

Воскресенье, 15-го февраля 1904 года.

Маньчжурія и ея населеніе.

Событія послѣднихъ лѣтъ пробудили огромный интересъ всего русскаго общества къ нашей ближайшей сосѣдкѣ на Крайнемъ Востоцѣ—къ Маньчжуріи. Если раньше Маньчжурію мало кто зналъ, и рѣдко кто слышалъ о ней, то теперь о Маньчжуріи говоритъ вся читающая Россія. Железная дорога въ значительной мѣрѣ сблизила Маньчжурію съ нашимъ Забайкальемъ и даже съ Восточной Сибирью, не говоря о томъ, что за послѣдніе годы тысячи русскихъ людей побывали и жили въ Маньчжуріи. Возгорѣвшаяся русско-японская война имѣла тѣсную связь съ занятіемъ нами Маньчжуріи.

Въ рядѣ коротенькихъ очерковъ мы имѣемъ въ виду познакомить хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ читателей „Сибирской Жизни“ съ современной Маньчжуріей и на первый разъ имѣемъ въ виду рассказать о населеніи Маньчжуріи, а для иллюстраціи помѣщаемъ фотографіи В. В. Буха.

Сѣверную Маньчжурію, соприкасающуюся непосредственно съ русскими владѣніями—Забайкальемъ, и Амурскимъ краемъ, какъ извѣстно, составляютъ провинціи Хэй-Лунгъ-Цзянь. Эта горная страна занята Большимъ и Малымъ Хинганомъ. По южной части этой провинціи, недалеко отъ границы Монголіи и пролегаетъ наша Восточно-Китайская железная дорога.

Провинціи Хэй-Лунгъ-Цзянь наименѣе населенная изъ всѣхъ трехъ маньчжурскихъ провинцій (другія двѣ—Гирицкая на востокѣ и Мукденская на югѣ).

Всего въ Маньчжуріи насчитываютъ (съ довольно приблизительной точностью) до 12—14 милліоновъ населенія, изъ нихъ въ Мукденской—5—6 мил., Гирицкой—5—8 мил. и сѣверной Хэй-Лунгъ-Цзянской—1½ мил.

Коренные обитатели Маньчжуріи относятся къ тунгусской и монгольской народности; пришлое населеніе—корейцы и китайцы, которые въ послѣдніе годы стали усиленно заселять Маньчжурію. Къ тунгусской народности относятся: маньчжуры, дауры, орочены и нѣсколько другихъ болѣе мелкихъ племенъ, къ монгольской—буряты, чипчины и олдои.

Напомнимъ ту роль, которую сыграла Маньчжурія въ исторіи Китая. Въ XVI в. незначительное по размѣрамъ маньчжурское племя распространило свое господство на всѣ сосѣднія тунгусскія племена, а въ XVII ст. совершило государственныя перевороты въ Китаѣ, смѣнивъ старую китайскую династію маньчжурской династіи Дайчиновъ. Этотъ фактъ не могъ не отразиться на судьбѣ всего маньчжурскаго племени.

Въ настоящее время изслѣдователями Маньчжуріи совершенно не установлено, что считать маньчжурской народностью. Между тѣмъ какъ одни изслѣдователи полагаютъ, что маньчжуровъ нинѣ осталось не болѣе 5% всего населенія, другіе считаютъ до 30%. Одно можно сказать, что чистый маньчжурскій типъ сохранился въ очень небольшомъ количествѣ и сравнительно въ немногихъ мѣстахъ. Маньчжуры мало по малу исчезаютъ изъ своей родной страны, рабѣ въ значительныхъ размѣрахъ переселяясь въ Китай, нинѣ ассимилируются съ колонизаціоннымъ потокомъ китайцевъ. „Чтобы объяснить себѣ,—говоритъ Д. Позднѣвъ (Описание Маньчжуріи)—странную на первый взглядъ малочисленность въ Маньчжуріи самихъ маньчжуръ, необходимо вспомнить, что вытѣсненная маньчжурская династія владѣетъ Китайской имперіей по праву силы, и что для поддержанія своего престижа она должна была съ самаго начала размѣщать по китайскимъ городамъ вѣрныя ей маньчжурскіе отряды. Въ случаѣ войны или народнаго мятежа, когда требовалось увеличить императорскія войска, постояннымъ ис-

точникомъ комплектованія ихъ опять таин всегда служили оставшіеся въ Маньчжуріи маньчжуры. Подобнымъ образомъ лучше и наиболѣе жизнеспособные изъ маньчжуръ уже издавна навсегда уходили изъ страны, а на мѣсто ихъ мало по малу стали являться тысячи и десятки тысячъ выходцевъ изъ Чжи-ли, Шань-си, Шань-

вань отличительные признаки чистокровнаго маньчжура. По своему характеру маньчжуръ, по свидѣтельству путешественниковъ, словоохотливъ, веселъ и весьма любознателенъ, наряду съ этимъ онъ довольно уверяю отстаиваетъ себя, если дѣло касается его личнаго интереса. Отношеніе къ русскимъ не отличается благосклонностью и предупредительностью и только изъ боязни рѣзкаго отпора, во многихъ случаяхъ не доходитъ до прямого насилія. Маньчжуръ честенъ, трудолюбивъ и крайне неприхотливъ, онъ гордъ сознаніемъ своей народности и рѣдко отличаетъ себя отъ китайца.

Однако, какъ было сказано, чистый типъ маньчжура сохранился въ очень немногихъ мѣстахъ. По словамъ изслѣдователей, благодаря скрещенію съ китайцами, въ средѣ маньчжуръ въ настоящее время можно наблюдать всевозможные переходы отъ чистаго типа къ типу китайскому. Різгофенгъ говоритъ, что путешествуя по Маньчжуріи, онъ неоднократно принималъ за китайцевъ лицъ, которыхъ считали собой маньчжурами, Маньчжуры главнымъ образомъ живутъ по городамъ и только въ сѣверной провинціи встрѣчаются маньчжурскія деревни. Главнымъ образомъ они заняты службой, составляя какъ бы военное сословіе. Въ свободное отъ службы время они занимаются торговлей и земледѣліемъ.

Языкъ маньчжурскій сталъ нинѣ языкомъ книжнымъ, мертвымъ; на немъ говорятъ только при китайскомъ дворѣ, всѣ же маньчжуры хорошо говорятъ по китайски.

Маньчжуры въ настоящее время почти исключительно проживаютъ въ городахъ и селеніяхъ по большимъ дорогамъ. Всѣ они несутъ обязательную службу; небольшая часть занимаетъ правительственные должности и состоитъ въ рядахъ „знаменныхъ войскъ“. Всѣ маньчжуры значатся въ разрядѣ военно-обязанныхъ и особыя расписанія распределяются на 8 знаменныхъ войскъ. Въ военное время подлежатъ службѣ всѣ безъ исключенія.

(Продолженіе будетъ).

Маньчжуръ-пѣхотинецъ.

Маньчжурка.

дуна и другихъ ближайшихъ провинцій сѣвернаго Китая. Выходцы эти до послѣдняго времени въ громадномъ большинствѣ случаевъ приходили въ Маньчжурію холостыми и, подвигнувшись въ ней окончательно, женились на маньчжуркахъ. Происходившія отъ подобныхъ смѣшанныхъ браковъ дѣти становились уже совершенно китайцами, и какъ слѣдствіе такого порядка вещей—въ настоящее время въ Маньчжуріи почти невозможно встрѣтить чистокровнаго типичнаго маньчжура, въ особенности въ болѣе южныхъ ея частяхъ, близкихъ къ собственному Китаю“.

Небольшой ростъ, темный цвѣтъ лица, выдающіеся скулы, большой открытый лобъ, большіе каріе глаза съ мало замѣтной косиной—

Благовѣщенская церковь въ Иркутскѣ.

Исторія этой церкви связана съ однимъ изъ мрачныхъ эпизодовъ исторіи города Иркутска, который носитъ названіе „Крыловскаго погрома“. Эпизодъ этотъ относится къ серединѣ XVIII столѣтія, къ царствованію Елизаветы. Погромъ этотъ, состоявшій изъ длиннаго ряда насилій надъ иркутскими обывателями, былъ совершенъ Крыловымъ, который былъ присланъ въ Иркутскъ сенатомъ по настоянію генераль-прокурора Глѣбова, чтобы произвестъ слѣдствіе надъ иркутскими купцами, занимавшимися будто-бы винокурениемъ противозаконно. Съ 1755 г. въ Россіи винокуренье было монополизировано за дворянствомъ; купцамъ было запрещено имѣть винокурные заводы. Но тамъ, гдѣ, какъ въ Сибиріи, дворянства не было, купцамъ эта промышленность развѣшалась. Сибирские купцы продавали курить вино, предполагая, что они вправдѣ это дѣлаютъ.

Они и въ правѣ были заниматься винокурениемъ, но тогдашнему всеильному генераль-прокурору сената Глѣбову понадобились деньги и онъ не задумался обвинить сибирское винокуренье противозаконнымъ и привлечь иркутскихъ купцовъ къ суду, будто бы за корыстность. Слѣдователь Крыловъ, присланный въ Иркутскъ сенатомъ по настоянію Глѣбова, обставилъ начало судебнаго изслѣдованія мѣрами, разчитанными на то, чтобы сразу произвестъ паніку среди иркутянъ. Онъ потребовалъ, чтобы магистратъ доставилъ ему шлоное ведро разведенной туши—тогда вся Сибирь отъ Кяхты до Омска не знала чернильныхъ орбиковъ,

и писала китайской тушью—и в своей квартире поселил семьдесят солдат при трех офицерах, а себя окружил ружьями и пистолетами. Разными поблажками расположил этих людей в свою пользу, дав им понять, что им выгодно будет беззастенчиво исполнять его распоряжения и образив их таким образом в свою опричнину, он начал действовать. Первым делом, он посадил в тюрьму весь магистрат в полном его составе, а 31 мая Крылов съехал со своих опричников сдала генеральную ораву в город; был составлен список семидесяти четырех лиц, которых Крылов обвинял в разных злоупотреблениях; и которая обвиняет может быть была и справедлива, но другие были вымышлены Крыловым. Крыловские солдаты привалили в дома и торговые лавки, хватали людей, тут же, закопывали их в кандалы и отводили в тюрьму, семьи и других жильцов выгоняли из домов, в жилых домах и лавках все ставили вверх дном и значительную часть имущества расхищали. Потом начались истязания заключенных: их били палками в затылки, пытали, подвешивали на виски и выпраждали признания, которых хотлось Крылову; избитые и упавшие духом подписывались под показания, которых им диктовали и даже сами вводили на себя преступления, которых не совершали. Глббов, отправля Крылова в Иркутск, поощрял ему, что он за свое усердие не будет оставлен без "удовольствия" и Крылов из всех сил старался, под видом приобретения прибыли для государственной казны, составить круглую сумму в пользу генерал-прокурора Глббова, при чем, конечно, он не забыл и свой карман. Таким образом, судебное исследование о злоупотреблениях иркутских купцов само превратилось в в стократ величайшее злоупотребление властью, проще сказать в грабеж. Крылов действовал, как разбойник, бжавший с каторги и дорвавшийся до власти. Купцов били плетями и кнутом, поднимали на дыбы, жгли огнем. Чем человек был богаче, тем сильнее его истязали. Первый богач Иркутска купец Бичевинг плтками был замучен до смерти. Чтобы овладеть его богатством, его били, пытали в течение нескольких суток, потом в присутствии Крылова подняли на дыбы и били кнутом; пока Крылов ходил завтракать, несчастный, с вывихнутыми на дыбы суставами, продолжать висеть в течение трех часов, а когда Крылов вернулся, его продолжали бить кнутом. Бичевинг не мог вынести этих истязаний и умер.

Кромь того, что Крылов грабил купцов, он еще неистовствовал над всеми обывателями города, покаявал свою власть, унижал и оскорблял людей, бить по пустому поводу, а главное, преследовал женщин. В своей погонь за женщинами он доходил до варварского безстыдства. Несчастная судьба дочери купца Воротилова, одной из его жертв этого рода, послужила сюжетом старинного сибирского романа "Дочь купца Жолобова", написанного Калачниковым. От его преследований не спасал женщин ни детский возраст, ни возраст старухи. Город был терроризован Крыловым. Все перед ним трепетали; человеческая личность была унижена и оскорблена до последней степени. Крылову понравилась жена купца Мясникова и он пробовал овладеть ей силой; он бил ее, сьез розгами и плетями, но не мог сломить ее воли; тогда он признавал ее мужа и заставлял его собственноручно съез жену и уговаривать; Мясников не смел ослушаться Крылова, и исполнил его приказание, хотя и со слезами на глазах. Архирей и управивший иркутской губернией вице-губернатор Вульф притихли и не смели протестовать, зная могущество генерал-прокурора Глббова, у которого Крылов был в фаворе. Под конец Крылов расхотился до того, что арестовал Вульфа, отнял у него шапку и сам вступил в управление губернией. Отсутствие гражданского мужества у иркутских обывателей вызы-

вать в нас справедливое негодование, но недьяя возможность подбичать безобразия XVIII в. объяснять одним малодушием сибирского населения. У страны не было незаписанных от бюрократии органов, через которые она могла бы о своих нуждах сообщить в центр ому государству. В начале сибирской истории зародилось самоуправление в виде казачьих кругов и сходных учреждений, но под давлением воеводского управления эти ростки не развились и заглохли; и Сибирь пришлось испытать полностью горькую чашу полицейского режима самой чистой воды. Эти беззакония были оборотная сторона монеты чисто плебейского состава населения нашей окраины.

Когда известия о беззакониях Крылова дошли наконец до императрицы, велено было заковать Крылова в кандалы, доставить в Пе-

видны углубления, покрашенные черной краской. Был ли это намек на историю церкви, неизвестно. В 90-х годах церковь перестроена по новому чертежу.

Пбень о старых супругах.

Рассказ из японской жизни Пьера Лоти, перевод с франц. (из собр. сочинений).

Тото-Сань и Кака-Сань—муж и жена. Они были старые, старые; их всегда знали; даже самые древние в Нагасаки не помнили их молодыми. Они нищенствовали на улице. Слбной Тото-Сань таскал за собою в маленьком ящике на колесах Кака-Сань, которая была разбита параличом. Прежде они назывались Гато-Сань и Уме-Сань (г-нь Голубь и г-жа Слива), но обь этом уже все забыли.

На японском нарчии Тото и Кака означают важные понятия "отец и мать" в устах детей. Все называли их так, вероятно, в силу их глубокой старости; но в этой стране крайней бедности к этим фамильярным именам прибавилось определение Сань—почетное название вроде "господин" или "сударыня" (г-нь папа, г-жа мама); самые маленькие японские младенцы никогда не пренебрегают такими формулами этикета.

Их способ просить милостивно был скромный и порядочный; они не осаждали людей своими прошениями, а просто и молча протягивали руки, несчастныя, сморщенная руки, на которых виднлись уже складки, как на мушках. Им подавали рис, рыбные головки, остатки супа.

Очень маленькая, как и все японки, Кака-Сань казалась еще меньше в своем ящике на колесах, в котором подумертва нижняя часть ее тела сохла столько долгие лты криду. Телбжа ее была плохо насажена на оси, зато и случилось ей подвергаться многим толчкам в продолжение своих прогулок по городу. Однако, он подвигался медленно, ее бданный супруг, преисполненный заботы и внимания к ней! Она направляла его своим голосом, и он, чутко прислушиваясь, шел своей дорогой, подобно вичному животу, в окружающем его постоянном мраке, с ремнем через плечо, опущавя перед собою землю бамбуковой палкой.

Важны для них минуты наступали, когда рчь заходила о подъем на какую-нибудь ступеньку, о переход через руть, через расщелину или выбоину, как изводчалея он в этом случае, Тото-Сань?..

И надо было видеть тогда старуху, суетившуюся в своем ящике: это озабоченное лицо, эти глаза блестящие сообразительностью и безпокойством, несмотря на туман, навбанный на них годами, с глбью погасить их... Очевидно, страх подвергнуться толчкам был чувством наиболее животрепещущим в ее приходившем к концу существовании.

Что происходило в головах их, этих двух стариков, обожающих друг друга? Что могли они рассказывать друг другу в тихие вечера? Какія воспоминания вызвали они из тумана юных лет своих, когда оба лежали, угбздившись под каким-нибудь навбсом на сон грядущий, причем Кака-Сань была повязана синими бумажным платком, служившим ей ночным убором? Как составляли они на завтра план своего слбдующего объезда, с той же борбой ради хлеба насущного, тбм же нищенством, тою же држкостью. Были ли у них еще какия-нибудь радости, какие-нибудь остатки надежды? Были ли у них какия-нибудь мысли, и почему так упорно дблпали они за жизнь, когда земля была тут, готовая принять их, завершить их разрушение, не давая им больше страдать? Они отправлялись на все религиозные празднества, совершаемыя в храмах.

Под большими черными кедрами, отбняющими священными площади, у ног какого-нибудь каменного чудовища усаживались они как можно ранше, до прибытия первых правобфрных, и по все время паломничества много проходивших останавливалось возл них. Молодая

Манчжурь.

Китайския казармы в г. Бордо-чань (посл разрома 1900 г.).

тербург, и судить, как злодей, но Глббов замял дело. При императрице Екатерине дбл этому дань снова ход, Глббов был отставлен от своей должности, а Крылова было велено бить в Иркутск кнутом и сослать на каторгу, а деньги, вымученныя им с сибирских купцов, возратить этим мученикам. И все таки Крылов остался невредим; публичной казни над ним в Иркутске совершено не было.

Деньги же, собранныя им с иркутских купцов, действительно роздали потерпевшим от крыловского погрома, но так как иркутские из мучеников за время этой истории ушли в могилу, не оставив наследников, то в руках иркутской администрации оказался сумма, которую некому было раздавать. Императрица Екатерина повелела на эти оставшиеся деньги построить в Иркутске церковь в память о пострадавших. По преданию на эти деньги построена Благовщченская церковь (на Большой улице). До 90-х годов прошлого столбтия эта церковь должно быть сохраняла тот вид, какой был дан ей в самом начале. Это было здание, построенное без всякого стиля, скудное украшением. На стбнах колокольни ниже колоколов были какия-то сердце-

склонившись всем телом на сторону, на половину выпадал из своего ящика, вытаскивая руки, подобно одной из кукол уличного «Петрушки», убранный на покой по окончании представления.

Тягостное кладбище, передь которым разгласилась эта заключительная сцена, казалось, указано было «духам» и как бы выбрано самой покойницей. Поэтому никто не колебался. Остановили на пути проходивших работников и быстро принялись рыть землю. Все торопились, не желая ни пропустить богомоля, ни оставить эту старуху без погребения, тем более, что день обещал быть жарким и скверная муха уже начала собираться.

В полчаса яма была готова. Покойницу за плечи вытаскивали из ящика, уложили ее в землю, сиди, как сидела она всегда, с ногами подвернутыми, как и при жизни, подобно иссохшей обезьянке, которая иногда еще падают охотникам в лесах, где-нибудь под деревом.

Тото-Санг старался все это сделать сам, не вполнѣ владѣя русскою и мѣшая землекопамъ, у которыхъ душа была не изъ чувствительныхъ и которые толкали его; онъ стоналъ, какъ маленький ребенокъ, и слезы текли изъ его незрячихъ глазъ. Онъ ощупывалъ ее, желая убѣдиться, достаточно ли хорошо она причесана, чтобы предстать въ вѣчныя жилища, въ порядкѣ ли ея коки; ему хотѣлось воткнуть въ ея прическу длинныя булавки, прежде чѣмъ ее закидаютъ землю...

Въ листья слышался легкий шорохъ и трепеть: это духи предковъ Кака-Сангъ пришли принять ее у входа въ Страну Тѣней.

Она натворила въ своемъ ящикѣ вещей, крайне нечистоплотныхъ, по весьма простительной передь концомъ небрежности, и землекопы съ отвращеніемъ предлагали покидать также въ яму все эти вещи, выпачканныя невѣроятно грязью: одѣла, какия-то тряпицы, маленькія чашечки и фонарикъ, видя до самого ящика, въ которомъ яко бы заключалась зарва.

О, тогда Тото-Сангъ совсѣмъ потерялъ голову отъ отчаянія, видя, что у него хотятъ отнять все, что еще оставалось ему отъ нея на память; истощенный и плачущій, легъ онъ на нихъ, чтобы защитить ихъ своимъ теломъ.

Но другая нищая-старуха, также отправляющаяся на праздникъ, чтобы тамъ собрать милостыню, остановилась и пожалѣла его: «Оставьте, я все это вымою въ ручьи», сказала она.

Итакъ, собравшіеся люди продолжали свой путь къ храму богини, оставивъ этихъ двухъ нищихъ среди зеленого уединенія, гдѣ стрекотали кузнечики.

Въ прозрачной водѣ бѣгущаго ручья убогая старательно вымыла все, даже ящикъ и его колесики; остатки Кака-Сангъ пошли на удобрение свѣжихъ растений вдоль берега и великолѣпныхъ лотосовъ, первые бутоны которыхъ появились уже изъ глубокихъ чашечекъ. Потомъ она развѣсила тряпки на вѣтвяхъ, на веселомъ солнышкѣ, а вечеромъ все уже высохло, было тщательно сложено и убито: Тото-Сангъ снова началъ свою ежедневную прогулку.

Онъ заперся и отправился, по привычкѣ волоча за собою повозку. Но за нимъ личикъ былъ пустъ. Разлученный съ той, которая была его другомъ, свѣтчиномъ, его умомъ и глазами, онъ шелъ наудачу, представляя изъ себя теперь еще болѣе жалкую развалину, безвозвратно одинокой на землѣ до самого конца, не въ силахъ

будучи собрать свои мысли, подвигаясь впередъ оупую безъ дѣли и надежды, среди ночи, еще болѣе черной...

Кузнечики между тѣмъ пѣли во весь голосъ въ зелени, темнѣвшей подъ звѣзднымъ небомъ, и пока настоящая ночь спускалась надъ сѣпнымъ человекомъ, слышался тотъ же шорохъ и лепетъ въ вѣтвяхъ, какъ и утромъ во время погребенія; это опять шептали духи, говоря:

Черные татары.

Черные татары.

„Утѣшься, Тото-Сангъ, она покоится въ той сладкой пирнѣвѣ, въ которой находимся мы сами и къ которой скоро приобщимся и ты. Она уже не стара и не слаба, потому что она умерла; не безобразна, потому что скрыта среди подземныхъ корней; не отвратительна ни для кого, потому что остави ея удобрить землю; тѣло ея очистится землей; Кака-Сангъ превратится въ хорошенькія японскія растенія: кедровыя вѣтви, дикія камелии, бамбуки“.

Безъ заглавія.

Посвящаю Григорію Николаевичу Потанину.

И длинна и мрачна эта бурная-ночь...
И замучено сердце, и скорбь мнѣ не въ мочь,
И не въ силахъ я вѣру губить—
Дорогую менту заглушить...
— Снится мнѣ, что въ безвѣстную даль уплыла,
Кольяхая, проклятая мертвая мгла,
Что, незбылемымъ свѣтомъ горя,
На востокѣ пылаетъ заря...
Что великое, чудное солнце встаетъ
И сверкаетъ въ лучахъ голубой небосводъ,
Что навстрѣчу грядущему дню
Я веселую гѣсню пою...
...И око распахнуло я. И иѣжно-могучь
Обогрѣтъ, облакалъ меня солнечный лучъ;
Прилетѣлъ вѣтерокъ удалой
И шепнулъ о голубкѣ родной:
„Не забыть ты. Отъ милой твоей я лечу,
Разсказать ей думы тебѣ я хочу;
Видѣлъ я, какъ грустна и блѣдна,
О тебѣ тосковала она.
И повѣдалъ я ей, что не умеръ боецъ,
Что томится во тѣмѣ и въ цѣпяхъ молодецъ,
Что томится онъ къ милой своей,
Только-бъ день засиялъ поскорѣй“...
...И вспорхнулъ вѣтерокъ, и впередъ полетѣлъ.
И слезой благодарной мой впередъ заблестѣлъ,
И, лаская, звучитъ надо мною
Милый шепотъ про день золотой...

Г. Ваткинъ.

Къ рисункамъ.

Черные татары. Въ лѣсной „черновой“ части Кузнецкаго и Бійскаго округовъ Томской губерніи, по рѣкамъ Томи, Мрасу, Кондомѣ, Лебеду и др. проживаютъ такъ называемые черные татары, относимые этнографами къ тюркско-финской расѣ. Занятія ихъ составляютъ главнымъ образомъ рыбная ловля, охота, промыселъ кедроваго орѣха и отчасти землѣдѣлія въ очень незначительныхъ размѣрахъ, насколько это позволяетъ лѣсная глушь и низкій культурный уровень быта этихъ инородцевъ. Живутъ они небольшими бѣдными „улусами“ и кое какъ списываютъ свое незначительное пропитаніе. Эксплуатація торговцевъ пняжаетъ и безъ того ихъ скудный заработокъ. Выбитымъ изъ колеи вслѣдствіе какихъ-либо особыхъ случайностей приходится нищенствовать и за сборомъ они идутъ въ болѣе культурныя мѣста, гдѣ можно рассчитывать на болѣе обильное подаяніе, какъ въ города Кузнецкъ и Бійскъ и русскія богатыя села и деревни. Черные инородцы малорослы, малосильны, суровая окружающая природа наложила на нихъ отпечатокъ робости, подавленности, а въ положеніи нищихъ они проявляютъ самое жалкое впечатлѣніе. Это несчастные люди, которымъ уже по большей части нѣтъ возврата въ свою среду, ихъ несчастіе не временное, а уже хроническое, постоянное. Инородческихъ патронатовъ у насъ нѣтъ, а на частную помощь можно рассчитывать лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

Въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина

ПРОДАЕТСЯ

КАРТА ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ:

Восточный Китай, Корея и Японія.

Цѣна 15 коп.